ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ВОВК

Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС
344002, Российская Федерация, Ростовская обл., Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70
E-mail: vev.412@mail.ru

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОСУДИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируются формально-юридические и общетеоретические аспекты реализации идеи справедливости в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной сферах. Рассматривая различные способы нормативно-правового оформления идеи справедливости в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, автор показывает особенности используемой законодателем юридической техники, проводит аналогии с бывшим советским законодательством по соответствующей проблематике и предлагает авторское видение проблемы, различных вариантов реализации идеи справедливости: как социальной справедливости, как характеристики наказания, как характеристики судебного приговора, как характеристики личности субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Наряду с нормативными правовыми актами в статье анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ, правовые позиции Европейского суда по правам человека, а также научные работы по соответствующей проблематике, характеризующие различные подходы к пониманию идеи справедливости и ее нормативно-правовому оформлению. Обращается внимание на то, что отсутствие в современном законодательстве единого, обобщающего и концептуального понимания справедливости накладывает отпечаток на соответствующие сферы правового регулирования, предопределяя неоднозначность специальных понятий и категорий, а также ситуаций их использования. Не умаляя значения и качества современного российского законодательства в уголовно-процессуальной сфере, автор подчеркивает важность правовых позиций ЕСПЧ для обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, справедливость, социальная справедливость, справедливое наказание, справедливый приговор, справедливый человек, справедливое судебное разбирательство

ELENA V. VOVK

South-Russian Institute of Management — branch of RANEPA
70 Pushkinskaya st., Rostov region, Rostov-on-Don 344002,
Russian Federation
Email: vev.412@mail.ru

**CONCRETIZATION OF THE CONCEPT OF JUSTICE
IN CRIMINAL LAW AND JUSTICE: CONCEPTUAL
AND TECHNICAL-LEGAL ASPECTS**

Abstract. The article analyzes the formal legal and general theoretical aspects of the implementation of the concept of justice in the criminal law, criminal procedural and criminal executive spheres. Considering various ways of normative legal formulation of the concept of justice in criminal and criminal procedural legislation, the author shows the features of the legal technique used by the legislator, draws analogies with the former Soviet legislation on the relevant issues and offers the author's vision of the problem, various options for implementing the concept of justice: as social justice, as characteristics of punishment, as characteristics of a judicial verdict, as characteristics of the personality of the subject of criminal procedural activity. Along with the normative legal acts, the article analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the legal positions of the European Court of Human Rights, as well as scientific works on relevant issues that characterize various approaches to understanding the concept of justice and its legal formulation. Attention is drawn to the fact that the lack of a unified, generalized and conceptual understanding of justice in modern legislation leaves an imprint on the relevant areas of legal regulation, predetermining the ambiguity of special concepts and categories, as well as situations of their use. Without diminishing the importance and quality of modern Russian legislation in the criminal procedural sphere, the author emphasizes the importance of the legal positions of the ECHR to ensure the right to a fair trial.

Keywords: criminal legislation, criminal procedural legislation, penal legislation, justice, social justice, fair punishment, fair sentence, just person, fair trial

1. Введение

Идея справедливости традиционно рассматривается как одно из системообразующих философских, политических и правовых начал человеческого бытия. Обеспечение идеи справедливости на уровне нормативных правовых предписаний в их конкретно-юридическом преломлении традиционно сталкивается с целым набором объективных трудностей. Однако идея справедливости все же нашла свое отражение в различных сферах российского законодательства. Анализ

особенностей закрепления идеи справедливости на уровне отраслей права, затрагивающих наиболее чувствительные для граждан сферы общественных отношений, в частности, сферу наказания за уголовные преступления, представляет несомненный теоретический и практический интерес.

Изучение категории «справедливость» в юридическом смысле серьезно отличается от ее философского или политического исследования и даже философско-правового изучения, так как к юридическим понятиям и категориям, используемым для регулирования общественных отношений, применяются несколько иные критерии точности и адекватности, чем, например, к категориям политической или социологической науки. Кроме того, существует своеобразие в ходе теоретического анализа и практико-юридического исследования одних и тех же понятий. Все это связано с различной степенью влияния практического интереса, целеполагания и долженствования на процессы познания правовых явлений. Ряд авторов в этой связи проводит различие между «формально-юридическими» и «общеправовыми» понятиями и категориями¹. Не случайно понятийные дефекты И.П. Кожокарем рассматриваются как серьезная проблема практической юриспруденции². Ученый выделил в качестве наиболее частых две разновидности понятийных дефектов, а именно неточность содержания понятия как юридико-технический дефект и неединообразие языковых форм выражения правовых понятий³. Именно разнообразие языковых форм выражения юридического понятия «справедливость» ведет к актуализации исследования ее отраслевой специфики.

Как указывает А.И. Овчинников, правовое мышление базируется на интуиции и иррациональных основаниях интерпретации правовой реальности⁴. Поэтому юридическая наука не относится к категории точных наук, хотя попытки ее математизации не прекращаются. Особенно этот подход получил «второе дыхание» в связи с использованием систем искусственного интеллекта в правосудии. Между тем юристы используют те или иные понятия, иногда определяя или переопределяя

¹ Авдеев Д.А. Избиратели как источник власти, или Юридическое измерение категории «народ» // Современное право. 2015. № 11. С. 25–30.

² См.: Кожокарь И.П. Понятийные дефекты нормативно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4А. С. 308–316.

³ См.: там же. С. 308.

⁴ См.: Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д, 2003. С. 63.

их для применения к конкретному случаю, а иногда и с помощью здравого смысла и очевидности. Однако категория «справедливость» далеко не в каждом измерении может обладать очевидностью и интуитивной понятностью. Это становится особенно явно в ходе рассмотрения конкретизации идеи справедливости в уголовном праве и правосудии⁵.

2. Идея справедливости в уголовном праве

Идея справедливости представлена в уголовном законодательстве в значении одного из принципов уголовного права. Не случайно ст. 6 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) так и называется: «Принцип справедливости». В ч. 1 ст. 6 обращается внимание на такие критерии справедливости наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, как соответствие характеру и степени общественной опасности преступления, а также обстоятельствам его совершения и личности виновного. В свою очередь, часть вторая данной статьи, развивая положения ст. 50 Конституции РФ, гласит, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Примечателен тот факт, что в данном контексте законодатель рассматривает ситуацию уже установленной виновности лица в совершении преступления, т.е. речь идет не о справедливости вынесенного приговора в части определения самого факта виновности, соблюдения принципов справедливого судебного разбирательства, а об адекватности соответствующего наказания и недопустимости повторного наказания. В аналогичном ключе «справедливое наказание» упоминается в ч. 1 ст. 60 УК РФ. В последнем случае законодатель прямо указывает на тот факт, что лицу, уже признанному виновным в совершении преступления, должно назначаться справедливое наказание.

Такое на первый взгляд однобокое понимание принципа справедливости в уголовном законодательстве при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно закономерным, так как отвечает общим задачам, которые возлагаются на УК РФ, в частности, определить деяния, которые признаются преступлениями и установить соответствующие виды наказаний (ч. 2 ст. 2). Однако законодатель все же выходит за узкие рамки понимания справедливости как соответствия наказания совершенному преступлению и личности виновного и предлагает рассматри-

⁵ См.: *Allan T.R.S. Justice and Fairness in Law's Empire* // *The Cambridge Law Journal*. Vol. 52. Iss. 1. March 1993. P. 64–88. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0008197300017244>

вать наказание в целом, в том числе как одну из целей восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43). Таким образом, в уголовном законодательстве идея справедливости представлена на двух уровнях. На первом, более глобальном, идея восстановления справедливости, в частности социальной справедливости, представлена как цель уголовного наказания. На втором уровне идея справедливости воплощается в значении адекватности (соразмерности) наказания совершенному преступлению и как принцип недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление. В юридической науке присутствует еще одно понимание справедливости в уголовном праве, которое сводится к обязательному реагированию на преступление уголовно-правовыми средствами⁶. Однако такое уголовно-правовое понимание справедливости, скорее, продолжение и уточнение идеи восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания.

Напомним, что еще двумя официально декларируемыми целями уголовного наказания в соответствии с УК РФ выступают исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Из них только второе является гарантированно достижимой целью. Что же касается возможности соответствующего «исправления», то эта цель наказания традиционно выступает как сложнодостижимая⁷. Отдельными авторами она даже рассматривается как второстепенная (факультативная). В контексте проблемы излишней идеализации института исправления осужденного напомним, что к задачам исправительно-трудового законодательства СССР (РСФСР) наряду с «исправлением» относилось в том числе «искоренение преступности»⁸. Аналогичные положения содержались и в Основах уголовного законодательства СССР⁹.

⁶ См.: *Брылева Е.А.* Цели наказания на современном этапе развития Российского государства: восстановление социальной справедливости или кара? // Администратор суда. 2019. № 4. С. 43–47.

⁷ См.: *Сагунян В.М.* Исправление осужденного как цель наказания // Современное право. 2011. № 10. С. 136–139.

⁸ Закон СССР от 11 июля 1969 г. № 4074-VII (ред. от 15 мая 1989 г.) «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Свод законов СССР. Т. 10. 1990. С. 615; Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 18 декабря 1970 г.) (ред. от 21 декабря 1996 г.) (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 753.

⁹ Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 8 апреля 1989 г.) «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

Обратим внимание на тот факт, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее — УИК РФ) в качестве целей уголовно-исполнительного законодательства предусматривает уже упоминаемые «исправление» и «предупреждение» (ч. 1 ст. 1). Формулировка о «предупреждении преступлений» расширена упоминанием иных лиц, что говорит в пользу превентивно-воспитательной функции уголовно-исполнительного законодательства. В перечне целей отсутствует «восстановление социальной справедливости» (как это сделано в УК РФ), что позволяет некоторым авторам ставить вопрос о необходимости внесения соответствующих положений в УИК РФ¹⁰. Идею об имеющем место «сбое» в механизме использования средств и способов законодательной техники отстаивают многие исследователи и ученые¹¹. Однако необходимо учитывать важное обстоятельство. В УИК РФ речь идет именно о законодательстве (по аналогии с целями исправительно-трудового законодательства бывшего СССР), что порождает некоторую путаницу в правильном понимании соответствующих целей, задач и др. Не случайно многие исследователи говорят о недопустимости «подобной путаницы» в терминологическом аппарате и, в частности, унификации целей «уголовно-исполнительного законодательства» и «наказания», соответственно предлагая свой оригинальный набор целей уголовно-исполнительного законодательства¹². В последнем случае законодатель оказывается перед выбором: или продублировать цели наказания, взяв их из УК РФ и обозначив их как «цели наказания», или же ограничиться целями уголовно-исполнительного законодательства в ином уточненном и исправленном варианте.

На наш взгляд, подобная ситуация сложилась в современном законодательстве из-за слабой разработанности терминологического и категориального аппарата в соответствующей сфере, пришедшей из законодательства бывшего СССР. Все соответствующие проблемы, очевидные на примере сравнения уголовного и уголовно-исполнительного кодексов, производны от аналогичных проблем

¹⁰ См.: *Ткачевский Ю.М.* Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ) исполнилось 10 лет // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: Сб. науч. статей. Вып. 1 / Отв. ред. А.Е. Шершбитов. М., 2006. С. 490.

¹¹ См.: *Шабанов В.Б., Санташов А.Л.* Цели и средства исполнения уголовного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 23.

¹² См.: *Теохаров А.К.* О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 156.

в соответствующих нормативных актах бывшего СССР (РСФР). Основы уголовного законодательства СССР включали «задачи законодательства» (ст. 1) и «цели наказания» (ст. 20). В свою очередь, Основы исправительно-трудового законодательства СССР включали «задачи законодательства» (ст. 1), которые почти полностью повторяли цели наказания из Основ уголовного законодательства, а напоминание о целях наказания («исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства») — это почти прямое цитирование из Основ уголовного законодательства. Соответствующая категориальная «путаница» перекочевала в современное российское законодательство.

При этом советское уголовное и исправительно-трудовое законодательство категорией «справедливость» не оперировало. Возможно, это было последствием традиционной «нелюбви» советской юриспруденции к буржуазной категории «справедливость» и самой идее справедливости, которая пусть и окончательно не была отвергнута советскими учеными, однако рассматривалась в достаточно оригинальном и единообразном ключе. Можно сказать, советская юридическая наука, уйдя от полного отрицания идеи справедливости, характерного для первых шагов молодого советского государства (ведь справедливость всегда будет олицетворять только то, что вложит в нее «рабочий класс»¹³) в конечном итоге свела идею справедливости к идее социальной справедливости, как оптимальному способу честного распределения материальных и социальных благ в обществе и государстве, одновременно относя к элементам социальной справедливости идеологические ценности, стимулирующие соответствующие отношения¹⁴. Другими словами, социальная справедливость в социалистическом праве — это экономические отношения обменного и распределительного типа, основанные на соответствующей идеологии. Такое понимание идеи социальной справедливости в большей степени на обыденном уровне дожило и до наших дней и в той или иной форме находит свое отражение и в современном российском законодательстве. В качестве примера можно привести постановление Правительства Севастополя «О некоторых вопросах национализации имущества»¹⁵, в котором, на наш

¹³ См.: *Ильинский И.Д.* Категория законности и справедливости в советском праве // Советское право. 1926. № 2 (20). С. 19.

¹⁴ См.: *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 67.

¹⁵ Постановление Правительства Севастополя от 28 февраля 2015 г. № 118-ПП «О некоторых вопросах национализации имущества» // Севастопольские известия. 2015. 28 февр. № 18.

взгляд, превалирует в большей степени экономический аспект социальной справедливости. Одновременно в аналогичном (социально-экономическом) ключе категория «справедливость» используется как характеристика системы пенсионного обеспечения в «обновленной» Конституции РФ (ч. 6 ст. 75).

Еще раз отметив важность вопроса определения целей и задач современного уголовно-исполнительного законодательства, более подробно остановимся на целях наказания (ряд авторов видит более предпочтительной формулировку «функции наказания»), ведь именно восстановление социальной справедливости заявлено законодателем как одна из таких целей. Напомним, что аналогичная цель наказания в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует (УИК РФ вообще не оперирует категорией «справедливость»). Отсутствие концепта «восстановление социальной справедливости» в тексте УИК РФ можно было бы считать неслучайным, если бы уголовно-исполнительным законодательством регулировались только те виды наказания, которые связаны с изоляцией осужденного от общества (без учета наказаний, каким-либо другим способом ограничивающих свободу человека в значении, придаваемом этому понятию ч. 1 ст. 22 Конституции РФ). В последнем случае речь бы могла идти о том, что уголовно-исполнительное законодательство преследует свои узконаправленные цели: изоляцию преступника (в том числе в значении потенциального преступника), его исправление (при всей неоднозначности заявляемой цели) и превентивно-воспитательную цель. Однако уголовно-исполнительным законодательством регулируется весь спектр наказаний — от обязательных работ до смертной казни. Таким образом, тот факт, что справедливость не фигурирует в качестве цели в УИК РФ не оправдан (при обязательном учете проблемы смешения понятий «цели наказания» и «цели законодательства»).

Следует учитывать, что «социальная справедливость» в понимании УК РФ в отличие от «справедливости» (которую можно рассматривать и как возможность получить моральную или материальную компенсацию) — в большей степени общественно значимая, публичная ценность. В нашем случае концепт восстановления социальной справедливости необходимо рассматривать в значении защиты основ публичного (конституционного) порядка и общественной безопасности. Следует вспомнить идею «кары», присутствовавшую в уголовном и исправительно-трудовом законодательстве СССР и РСФСР, которая в обыденном сознании не теряет своей актуальности и сегодня. Можно сказать, что идея кары за совершенные преступления, в том числе

по причине имеющей место синонимизации понятий «кара» и «наказание», на что закономерно указывают исследователи данной проблемы¹⁶, в современном российском законодательстве была переэквивалифицирована в идею восстановления социальной справедливости. И если продолжать развивать дискуссию о необходимости возвращения идеи «кары» в значении, отличном от понимания наказания, как это делают некоторые авторы, то удобнее использовать категорию «возмездие». Классическое высказывание римского юриста Ульпиана, о том, что право — это искусство доброго и справедливого, тогда как справедливость — это стремление воздавать каждому свое, не потеряло своей актуальности и сегодня. Что же касается справедливости в ее общесоциальном значении, выходящем за рамки института уголовной ответственности, то она не может быть полноценно восстановлена без привлечения механизма защиты гражданских прав, путем компенсации морального и материального вреда. Необходимые условия для этого обозначены в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) и ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ).

В этой связи вряд ли можно согласиться с точкой зрения, высказываемой некоторыми учеными, комментирующими соответствующие статьи УК РФ и развивающими идею о том, что восстановление социальной справедливости как цель наказания включает восстановление причиненного вреда потерпевшему¹⁷. Напомним, что сам УК РФ не предусматривает такого вида наказания, как возмещение (компенсация вреда), а размер штрафа как санкция определяется не только исходя из размера причиненного ущерба, но и степени общественной опасности деяния. Именно по этой причине отдельные авторы и выступают с предложением для более эффективного восстановления социальной справедливости предусмотреть в УК РФ дополнительный вид наказания — «обязанность возместить причиненный вред, в том числе и материальные компенсации за моральные страдания»¹⁸. Безусловно, включая в восстановление социальной справедливости как цели наказания возмещение (компенсацию) вреда, большинство ав-

¹⁶ См.: *Рарог А.И.* Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 125–139.

¹⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть: законы и законодательные акты / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 125.

¹⁸ *Юдин Ю.В.* Наказание и восстановление социальной справедливости в уголовном законе, теории и правоприменительной практике: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7.

торов имеет в виду именно компенсацию морального вреда. Однако механизм компенсации морального вреда регламентируется ГК РФ, в частности, ст. 151, которая рассматривает моральный вред как физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага и др. Не случайно УК РФ рассматривает возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, как и иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, в качестве обстоятельств, в том числе, смягчающих наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61), т.е. возмещение морального вреда выводится за рамки уголовного наказания самим законодателем. Это не мешает отдельным авторам в качестве способа восстановления вреда рассматривать и неприменимую сегодня смертную казнь: «К сожалению, полностью компенсировать нанесенный ущерб в процессе исполнения наказания иногда невозможно. Особенно если государство не обладает адекватными способами воздействия на преступника. Например, неприменение смертной казни»¹⁹. В данном случае, правда, не уточняется, кому (чему) именно должен восстанавливаться вред путем применения смертной казни (личности, обществу или государству). Однако сама идея того, что смертная казнь, как и причинение преступнику каких-либо морально-нравственных страданий, может компенсировать какой-либо вред, выглядит, как минимум, очень противоречивой. На наш взгляд, в данном случае происходит некоторая подмена понятий, а возмещение (компенсация) морального вреда (в значении, которое вытекает из анализа гражданского законодательства) не может быть тем или иным эквивалентом восстановления чувства социальной справедливости в значении, которое придает ему общество и государство (значительно менее индивидуализированном и субъективном, нежели чувство справедливости конкретного человека) и на основании которого мы и должны рассматривать соответствующую категорию, характеризующую в большей степени публично-ценностные аспекты идеи справедливости. Не случайно Конституционный Суд РФ разделяет понятия «защита нарушенных преступлением прав граждан» и «восстановление социальной справедливости»²⁰.

¹⁹ Антонов О.А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности // Юристъ — Правоведь. 2009. № 5. С. 45.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

Нельзя не отметить, что некоторые авторы, оценивая содержание соответствующих статей УК РФ, подходит к проблеме уголовно-правового содержания принципа справедливости максимально широко: «справедливость криминализации деяний, справедливость пенализации преступлений, справедливость привлечения к уголовной ответственности, справедливость назначения и реализации наказания и иных мер уголовно-правового характера»²¹. При таком широком подходе идея справедливости связывается в том числе и с принципом законности, в значении недопустимости неопределенности правового регулирования, принципом равенства, принципом вины и др. Согласимся, что такой подход, безусловно, применим к идее справедливости в уголовно-правовой сфере в общетеоретическом ключе. Однако говорить о том, что именно такие выводы следует делать из анализа ст. 6 УК РФ (как и других его статей), на наш взгляд, не следует. Соответствующее обращение к правовым позициям Конституционного Суда РФ (постановления Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П, от 27 июня 2005 г. № 7-П, от 19 марта 2003 г. № 3-П), на котором настаивают авторы комментария, имеет безусловную важность с точки зрения определения задач и принципов уголовного законодательства и целей уголовного наказания, в том числе, в контексте его последующего изменения и уточнения, однако не свидетельствует в пользу полноценного развития принципа (идеи) справедливости на уровне текущего законодательства, особенно при учете специфической юридической природы правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Что же касается, в частности, постановления Конституционного Суда от 10 февраля 2017 г. № 2-П²², то оно, во-первых, неразрывно связано со спецификой дел, возникающих по уголовным статьям с административной преюдицией (что предполагает целый ряд особенностей в процессе их рассмотрения Конституционным Судом РФ на предмет соответствия Конституции РФ), во-вторых, оно было достаточно неоднозначно оценено (как и сама статья УК РФ) не только конституционалистами, но и представителями науки уголовного пра-

²¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): В 4 т. / Отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 1: Общая часть. М., 2017.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212-1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

ва²³. В конечном итоге Конституционный Суд рекомендовал законодателю уточнить нормативные основания привлечения к уголовной ответственности по соответствующей статье, что до настоящего времени так и не было сделано.

Продолжая дискуссию о возможностях законодательного оформления идеи «справедливости закона», напомним, что не все статьи УК РФ однозначно воспринимаются в обыденном сознании как «справедливые», например институт превышения правил необходимой самообороны (ст. 108, 114 УК РФ). Много вопросов в общественном и научном сознании и к уголовным составам с административной преюдицией. Институт президентского помилования (особенно, если речь идет о соображениях политической целесообразности), как и институт амнистии также вызывают очень много вопросов в контексте реализации идеи справедливости. В последнем случае несомненный интерес представляет правовая позиция Конституционного Суда РФ, который отмечал, что реализация Государственной Думой ее конституционного полномочия объявлять амнистию в качестве акта милости исходит прежде всего из веры в добро и справедливость²⁴. Здесь, в контексте рассмотрения идеи справедливости в философско-социальном ключе, нам видится актуальная проблема для обсуждения, особенно в свете рассмотрения некоторыми авторами смертной казни и иных вариантов уголовного «возмездия» (выходящего за рамки «исправления» и «предупреждения») как восстановления социальной справедливости, т.е. цели наказания. Речь идет об одновременном и плохо сочетающемся понимании справедливости и по отношению к потерпевшему, и по отношению к преступнику, ведь мнения о возможности или невозможности амнистии для преступников (как и помилования) у потерпевших не спрашивают. И это при учете существующих противоречий между «восстановлением социальной справедливости» (для потерпевших) и «справедливостью наказания» (для преступников).

²³ См.: Головки Л., Коробеев А., Лопашенко Н. и др. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

3. Идея и принцип справедливости в правосудии

Обратимся к содержанию УПК РФ, который оперирует идеей (принципом) справедливости в следующих ситуациях:

- 1) ч. 2 ст. 6 — справедливое наказание (по аналогии с УК РФ);
- 2) ч. 4 ст. 226.9; ст. 297; ст. 389.9; ч. 4 ст. 389.28 — справедливый приговор (в значении — приговор, постановленный в соответствии с требованиями Кодекса и основанный на правильном применении уголовного закона, вместе с такими характеристиками приговора, как «законный» и «обоснованный»);
- 3) ч. 1 ст. 332 — («справедливый человек» — присяга присяжных заседателей).

В случае использования сочетания «справедливый приговор» прилагательное «справедливый» используется в ряду таких характеристик приговора, как «законный» и «обоснованный». Однако говорить об устоявшейся формулировке «законный, справедливый, обоснованный» все же не следует, так как законодатель использует такие характеристики, как «законный и обоснованный», и без такой характеристики, как «справедливый» (в отношении «иного судебного решения»).

Отметим, что в юридической науке (в отличие от УПК РФ) категория «справедливый приговор» нередко используется в значении «приговор, постановленный в ходе справедливого судебного разбирательства», по аналогии с использованием данного понятия в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Что же касается использования категории «справедливость» в присяге судебного заседателя, отметим, что ст. 8 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»²⁵, по аналогии с УПК РФ, предусматривает клятву «быть справедливым». Безусловный интерес вызывает тот факт, что в присяге судей Конституционного Суда РФ, как и во всем тексте федерального конституционного закона, упоминание справедливости в каком-либо виде отсутствует. Однако это тема отдельного и самостоятельного исследования.

Обращаясь к правовой системе бывшего СССР, отметим, что советское законодательство в сфере уголовного судопроизводства все же оперировало категорией «справедливость» в значении «справедливое наказание»²⁶ (по аналогии с современным российским законо-

²⁵ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

²⁶ См.: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 28 ноября 1989 г.) «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

дательством). Кроме того, советские ученые выходили за рамки идеи «справедливого наказания», анализируя в том числе проблему справедливости приговора. Справедливость приговора рассматривалась в достаточно широком смысле, не только как производное от строгой индивидуализации наказания, но и в первую очередь «как правильное разрешение вопроса виновности или невиновности»²⁷.

Таким образом, вопрос о справедливости или несправедливости судебного решения, в частности судебного приговора, не является таким уж новым для российской правовой науки. Однако в условиях современной России проблема справедливого приговора рассматривается в контексте более общей проблемы — права на справедливое судебное разбирательство, которое пусть и не получило своего полноценного закрепления на уровне отраслевого российского законодательства, однако, как мы уже отмечали, гарантируется ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Анализ содержания данной статьи позволяет выделить основные характеристики права на справедливое судебное разбирательство, к которым следует отнести:

- разумный срок судебного разбирательства;
- независимость и беспристрастность суда, созданного на основании закона;
- публичность объявления судебного решения;
- возможность проведения «закрытого» судебного заседания в течение всего процесса или его части в случаях, когда это может нанести вред морали, общественному порядку, национальной безопасности, интересам несовершеннолетних, неприкосновенности частной жизни, а также при иных обстоятельствах, когда гласность вредит правосудию (прямое указание на обязательность публичного проведения судебных заседаний в Конвенции отсутствует, однако последнее логично вытекает из текста статьи);
- презумпция невиновности;
- обязательное обладание обвиняемым необходимым набором прав (быть уведомленным о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы

²⁷ Оганесян Р.М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 9.

эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; пользоваться бесплатной помощью переводчика).

Особое внимание к праву на справедливое судебное разбирательство в интерпретации, даваемой ему Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ), не случайно. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ «как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения ЕСПЧ — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы...» со всеми вытекающими из этого факта последствиями²⁸.

Следует отдельно подчеркнуть, что перечень критериев (включая права обвиняемых), при соблюдении которых судебное разбирательство будет считаться справедливым, не является исчерпывающим в формально-юридическом смысле. Деятельность ЕСПЧ — это, по своей сути и природе, деятельность по интерпретации правовых предписаний Конвенции применительно к конкретному судебному случаю. Так, например, тот факт, что председательствующий судья пытался повлиять на присяжных заседателей, о чем сообщил один их присяжных, был расценен Европейским судом как нарушение принципа беспристрастности суда²⁹, после чего Верховный Суд РФ постановил соответствующее судебное решение отменить, а также возобновить производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств³⁰. Надо сказать, что ситуация отмены Президиумом Верховного Суда РФ судебного решения и возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам, по итогам соответствующего решения,

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

²⁹ Информация о постановлении ЕСПЧ от 14 ноября 2017 г. по делу «Тимофеев (Timofeyev) против Российской Федерации» (жалоба № 16887/07) // Российская хроника Европейского Суда. 2018. № 1.

³⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2018 г. № 232П18 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» // СПС «КонсультантПлюс».

вынесенного ЕСПЧ (ст. 413 УПК РФ), практика достаточно распространенная. Однако и здесь необходимо учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ (в основу которой лег целый ряд других правовых позиций), в соответствии с которой «вопрос о возможности пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам — в том числе ввиду установления Европейским судом по правам человека нарушения положений... должен разрешаться судом в каждом конкретном деле исходя из его фактических обстоятельств»³¹.

Значительный интерес представляет сравнительный анализ основных критериев права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции) с аналогичными положениями уголовно-процессуального законодательства России, прямо не заявленными как критерии справедливого приговора (справедливого судебного разбирательства). По результатам такого анализа можно обнаружить, что все критерии справедливого судебного разбирательства получили свое закрепление в УПК РФ: разумный срок судебного разбирательства — разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1); независимость суда — независимость судей (ст. 8.1); беспристрастность суда — обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве (гл. 9), изменение территориальной подсудности уголовного дела (ст. 35), напутственное слово председательствующего (ст. 340); публичность объявления судебного решения, открытое и закрытое судебное заседание — гласность (ст. 241); презумпция невиновности — презумпция невиновности (ст. 14). Аналогичные соображения можно высказать и в отношении прав обвиняемых в совершении уголовного преступления. Несмотря на тот факт, что российский законодатель не пошел по пути реализации идеи «все процессуальные действия должны отвечать требованию справедливости»³², нетрудно заметить, что в большинстве случаев УПК РФ содержит значительно большее количество «критериев справедливого судебного разбирательства», нежели ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако здесь необходимо учитывать следующие важные обстоятельства.

В процессе интерпретации нормативных установлений Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ может зна-

³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № 2651-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назырова Рината Ришатовича на нарушение его конституционных прав статьей 127 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³² *Мальшева Ю.В.* Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского суда по правам человека // Российский судья. 2016. № 8. С. 57–58.

чительным образом расширять или же уточнять и конкретизировать критерии справедливого судебного разбирательства по сравнению с национальным уголовно-процессуальным законодательством. Так, в постановлении ЕСПЧ от 24 июля 2018 г.³³ ЕСПЧ признал правомерным удовлетворение судьей ходатайства о собственном отводе по причине предвзятости, лично подтвержденной им же, тогда как отечественный законодатель не нашел для него соответствующих оснований в УПК РФ, в соответствии с которым личное заявление судьи о предвзятости прямо не указано как возможное обстоятельство для его отвода (ст. 61–65 УПК РФ). На наш взгляд, обозначенная ситуация могла разрешиться и на уровне национальной судебной системы, так как ч. 2 ст. 61 УПК РФ содержит указание на то, что судья не может участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела. Личное признание судьи в предвзятости могло бы быть рассмотрено российским правоприменителем в качестве именно такого основания, тем более что в соответствии с правовой позицией, выраженной Конституционным Судом РФ, ст. 61 УПК РФ «не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств, могущих свидетельствовать о личной, прямой или косвенной, заинтересованности председательствующего судьи в исходе дела, она не исключает возможность заявления ему отвода в связи с выявлением в ходе судебного разбирательства разнообразных обстоятельств, ставящих под сомнение его беспристрастность»³⁴. На настоящий момент мы располагаем информацией о том, что в Верховный Суд РФ поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 39234/08 «Филюткин против Российской Федерации». Официальная реакция Верховного Суда РФ на данное решение ЕСПЧ на настоящий момент неизвестна, и, как мы уже отмечали, она необязательно должна последовать.

³³ Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2018 г. «Дело “Филюткин (Filyutkin) против Российской Федерации”» (жалоба № 39234/08) // Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 3.

³⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 1854-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дроздовского Петра Якубовича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына частями первой и второй статьи 8.1, частью первой статьи 42, пунктом 1 части первой и частью второй статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Выводы

В заключение статьи подведем некоторые итоги. Современный российский законодатель дает нормативное правовое истолкование идеи справедливости в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном законодательствах, используя категорию «справедливость» в следующих значениях.

Во-первых, это социальная справедливость с существенным преобладанием публично-правового элемента (цель наказания — восстановление социальной справедливости, а обеспечение социальной справедливости — основа существования конституционного правопорядка), в отличие от использования идеи социальной справедливости в «традиционной» советской науке и советском законодательстве «до-реформенного» периода в значении справедливого распределения социально-экономических благ, основанного на идеологии социализма.

Во-вторых, это справедливое наказание, как соответствующее (адекватное) обстоятельствам совершения преступления и личности преступника, включающее запрет многократного наказания за одно и то же деяние, используется в том числе в качестве одного из принципов уголовного права.

В-третьих, в правосудии справедливость — это справедливый приговор, в значении приговор, постановленный (вынесенный) в результате справедливого судебного разбирательства (совместно с такими характеристиками приговора, как «законный» и «обоснованный»).

В-четвертых, справедливость понимается как свойство человеческой личности (присяга присяжных заседателей).

Действующий УИК РФ не оперирует понятием «справедливость», даже обозначая цели соответствующего законодательства, аналогичные целям наказания в уголовном праве. Последнее обстоятельство не мешает отдельным исследователям анализировать реализацию принципа справедливости в уголовно-исполнительной сфере в общетеоретическом ключе³⁵.

В целом законодатель использует идею (принцип) справедливости применительно к конкретным ситуациям, действиям и понятиям в обозначенных сферах, не стремясь к выработке единого и концептуального понимания справедливости. Категория «социальная спра-

³⁵ См.: *Абдулжабар А.Ю.* Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве России как основной фактор обеспечения прав человека в процессе исполнения уголовных наказаний // *Уголовно-исполнительное право.* 2015. № 3 (21). С. 45—49.

ведливость» соответствующих функций не выполняет. Аналогичный подход используется и в рамках уголовно-процессуального законодательства, тогда как многие исследователи данной проблемы предпочитают рассматривать проблему справедливого приговора в более обобщенном и концептуальном ключе, в контексте права на справедливое судебное разбирательство. Анализ критериев справедливого судебного разбирательства (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) показывает, что все они нашли соответствующее закрепление в УПК РФ. Последнее обстоятельство не отрицает важности и обязательности учета правовых позиций ЕСПЧ в правотворческой и правоприменительной деятельности для обеспечения справедливого судебного разбирательства.

По итогам законодательного обеспечения реализации идеи справедливости неохваченной остается сфера «справедливости закона», т.е. справедливость криминализации того или иного деяния. Однако часть авторов, анализируя уголовное законодательство, актуализирует проблему «справедливости закона» (криминализации деяний, наряду с пенализацией), подходя к исследуемому вопросу с широких общетеоретических позиций, предполагающих использование в том числе практики Конституционного Суда РФ.

Следует учитывать, что для современного российского государства реализация идеи справедливости (в ее максимально широкой трактовке) — это только одно из направлений обеспечения полноценного функционирования правовой системы. По отношению к позиции государства в деле реализации идеи справедливости речь в большей степени должна идти именно о реализации идеи социальной справедливости в ее публично-правовом преломлении. В процессе реализации идеи справедливости может наблюдаться вполне ощутимый диссонанс между личными, общественными и публичными интересами. Подобные соображения можно высказать, например, в отношении института частного обвинения. Последнее обстоятельство, впрочем, не мешает утверждению в современной юридической науке и соответствующем законодательстве идеи «медиации», если и не как альтернативы традиционному судебному процессу, то как институту, его дополняющему. Кроме того, в науке все чаще актуализируется вопрос о целесообразности полноценного анализа международного опыта и оценки возможностей использования так называемых альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, лежащих в основе идеи «восстановительного правосудия». К таковым относят полицейское предупреждение, штраф по соглашению, условный отказ

от уголовного преследования и др.³⁶ Вопрос о том, насколько обозначенные механизмы и процедуры будут соответствовать идеям справедливости и социальной справедливости, также представляет несомненный теоретический и практический интерес.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулжабар А.Ю. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве России как основной фактор обеспечения прав человека в процессе исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 45–49.

Авдеев Д.А. Избиратели как источник власти, или Юридическое измерение категории «народ» // Современное право. 2015. № 11. С. 25–30.

Антонов О.А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности // Юристъ — Правоведъ. 2009. № 5. С. 45–48.

Брылева Е.А. Цели наказания на современном этапе развития Российского государства: восстановление социальной справедливости или кара? // Администратор суда. 2019. № 4. С. 43–47.

Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богущ Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

Ильинский И.Д. Категория законности и справедливости в советском праве // Советское право. 1926. № 2 (20). С. 15–20.

Кожокар И.П. Понятийные дефекты нормативно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4А. С. 308–316.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): В 4 т. / Отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2017.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть: законы и законодательные акты / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М.: ИНФРА М-НОРМА, 1996.

Малышева Ю.В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского суда по правам человека // Российский судья. 2016. № 8. С. 55–60.

Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977.

Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2003.

Оганесян Р.М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1970.

Рарог А.И. Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 125–139.

Сагунян В.М. Исправление осужденного как цель наказания // Современное право. 2011. № 10. С. 136–139.

³⁶ См.: *Брылева Е.А.* Указ. соч.

Теохаров А.К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 151–158.

Ткачевский Ю.М. Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ) исполнилось 10 лет // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: Сб. науч. статей. Вып. 1 / Отв. ред. А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2006. С. 478–497.

Шабанов В. Б., Санташов А.Л. Цели и средства исполнения уголовного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 23–26.

Юдин Ю.В. Наказание и восстановление социальной справедливости в уголовном законе, теории и правоприменительной практике: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Allan T.R.S. Justice and Fairness in Law's Empire // The Cambridge Law Journal. 1993. Vol. 52. Iss. 1. P. 64–88. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0008197300017244>

REFERENCES

Abdulzhabar, A. Ju. (2015). *Printsip spravedlivosti v ugovolno-ispolnitel'nom prave Ros-sii kak osnovnoi faktor obespecheniya prav cheloveka v protsesse ispolneniya ugovolnykh nakazanii* [The principle of justice in the criminal executive law of Russia as the main factor in ensuring human rights in the process of executing criminal sentences]. *Ugovolno-ispolnitel'noe parvo* [Penal law], 3 (21), pp. 45–49. (in Russ.).

Allan, T.R.S. (1993). Justice and Fairness in Law's Empire. *The Cambridge Law Journal*, 52 (1), pp. 64–88. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0008197300017244> (in Eng.).

Antonov, O.A. (2009). Vosstanovlenie sotsial'noi spravedlivosti kak tsel' realizatsii ugovolnoi otvetstvennosti [Restoration of social justice as the goal of the implementation of criminal responsibility]. *Yurist* — *Pravoved* [Lawyer — Jurist], 5, pp. 45–48. (in Russ.).

Avdeev, D.A. (2015). Izbirateli kak istochnik vlasti, ili yuridicheskoe izmerenie kategorii «narod» [Voters as a source of power, or the legal dimension of the category “people”]. *Sovremennoe parvo* [Modern law], 11, pp. 25–30. (in Russ.).

Bryleva, E.A. (2019). Tseli nakazaniya na sovremennom etape razvitiya Rossiiskogo gosudarstva: vosstanovlenie sotsial'noi spravedlivosti ili kara? [Purpose of punishment at the present stage of development of the Russian state: restoration of social justice or punishment?]. *Administrator suda* [Court administrator], 4., pp. 43–47. (in Russ.).

Golovko, L., Korobeev, A., Lopashenko, N., Pashin, S., Reznik, G., Bogush, G. and Esakov, G. (2017). Administrativnaya preuditsiya v ugovolnom prave: kazus Il'dara Dadina [Administrative prejudice in criminal law: the case of Ildar Dadin]. *Zakon* [Law], 2. pp. 21–29. (in Russ.).

Il'inskii, I.D. (1926). Kategoriya zakonnosti i spravedlivosti v sovetskom prave [The category of legality and justice in Soviet law]. *Sovetskoe pravo*. [Soviet law], 2 (20), pp. 15–20. (in Russ.).

Judin, Ju. V. *Nakazanie i vosstanovlenie social'noj spravedlivosti v ugovolnom zakone, teorii i pravoprimenitel'noj praktike* [Punishment and restoration of social justice in criminal law, theory and law enforcement practice]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow. (in Russ.).

Kozhokar', I.P. (2019). Ponyatiinye defekty normativno-pravovogo regulirovaniya [Conceptual defects of legal regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and international law], 9(4A), pp. 308–316. (in Russ.).

Lebedev, V.M. ed. (2017). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 t. (postateinyi) T. 1: Obshchaya chast'*. [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes (itemized). T. 1: General part.]. Moscow: Yurait. (in Russ.).

Mal'tsev, G.V. (1977). *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social justice and law]. Moscow: Mysl'. (in Russ.).

Malysheva, Yu.V. (2016). Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo v praktike Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [The right to a fair trial in the practice of the European Court of Human Rights]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian judge], 8, pp. 55–60. (in Russ.).

Ovchinnikov, A.I. (2003). *Pravovoe myshlenie: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Legal thinking: theoretical and methodological analysis]. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House. (in Russ.).

Rarog, A.I. (2021). Tseli nakazaniya v nauke ugovnogo prava [The goals of punishment in the science of criminal law]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2, pp. 125–139. (in Russ.).

Sagrunyan, V.M. (2011). Ispravlenie osuzhdenного kak tsel' nakazaniya [Correction of a convicted person as the purpose of punishment]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 10, pp. 136–139. (in Russ.).

Shabanov, V. B. and Santashov, A. L. (2009). Tseli i sredstva ispolneniya ugovnogo nakazaniya [Goals and means of execution of criminal punishment]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 7, pp. 23–26. (in Russ.).

Skuratov, Ju. I. and Lebedev, V. M. eds. (1996). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': zakony i zakonodatel'nye akty* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. General part: laws and regulations]. Moscow: INFRA M-NORMA. (in Russ.).

Teokharov, A. K. (2016). O tselyakh i naznachenii ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [On the goals and purpose of the criminal executive legislation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 9 (70), pp. 151–158. (in Russ.).

Tkachevskii, Yu. M. (2006). Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu RF (UIK RF) ispolnilos' 10 let [The Criminal Executive Code of the Russian Federation (PEC RF) is 10 years old]. In: Sherstobitov, A. E. ed. *Aktual'nye voprosy gosudarstva i prava v Rossiiskoi Federatsii i v Respublike Makedonii*: sb. nauch. statei. Vyp. 1 [Topical issues of state and law in the Russian Federation and in the Republic of Macedonia: collection of scientific articles. Issue 1]. Moscow: Statut, pp. 478–497.

Yudin, Yu.V. (2007). Nakazanie i vosstanovlenie sotsial'noi spravedlivosti v ugovnom zakone, teorii i pravoprimeritel'noi praktike: Diss. ... kand. yurid. nauk. Moscow.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вовк Елена Викторовна — аспирант кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ.

AUTHOR'S INFO:

Elena V. Vovk — postgraduate student of the Department of Procedural Law of the Law Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Вовк Е.В. Конкретизация идеи справедливости в уголовном законодательстве и правосудии: концептуальные и технико-юридические аспекты // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 2. С. 204–226. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk

FOR CITATION:

Vovk, E.V. (2021) Concretization of the Idea of Justice in Criminal Law and Justice: Conceptual and Technical-Legal Aspects. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 16(2), pp. 204–226. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk